НИФИ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ ИНСТИТУТ МИНФИНА РОССИИ

КРАТКОСРОЧНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

апрель 2020 года

ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВНОГО ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ, МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТАТИСТИКИ ФИНАНСОВ

КРАТКОСРОЧНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

29 апреля 2020 года

В выпуске

- Время потерянных ориентиров (с. 2)
- Меры правительств и центральных банков: Россия и мир (с.6)
- Проблемы рынка труда во время пандемии и после (с. 10)

Время потерянных ориентиров. Начнем с новых шокирующих данных, «анонсированных» в прошлом выпуске «Трендов».

Первичные обращения за пособиями в США: воздержимся от графической иллюстрации, дадим лишь устное описание. Если прежде отклонение от среднесрочной нормы в период кризиса 2008-2009 годов на рисунке сравнить с Джомолунгмой, то на этом фоне нынешнее изображение похоже на взлет к верхним слоям атмосферы. Отсюда – множащиеся в СМИ сценарии возвращения американской экономики по уровню безработицы к показателям Великой депрессии. Но рассмотрим подробнее, что означает первичное обращение в службу занятости в США.

Заявитель – предполагается, что он потерял рабочее место – направляет запрос на получение информации о выплатах из системы социального страхования, на которые он может рассчитывать. Ответ формируется информационной системой, она же автоматически регистрирует обращение. Показатель первичных обращений и прежде считался ненадежным, но зададимся вопросом – что препятствует работнику направить запрос, не будучи уволенным? Если он настолько не уверен в будущем, что предпочитает заранее узнать, на какую «подушку безопасности» может рассчитывать? Когда риск симметричен одновременно для многих, если не почти для всех, в стране со 160-миллионной рабочей силой, что удивляло бы больше – 7 или 70 миллионов подобных запросов за неделю?

За март количество обращений составило больше 10 миллионов: цифра 3,3 млн в неделю (последняя, о которой было известно перед публикацией прошлого выпуска «Трендов») в последнюю отчетную неделю месяца возросла больше чем вдвое – до 6,9 миллиона. Однако по официальной статистике численность безработных в США в марте увеличилась только на 1,4 млн человек (со сглаженной сезонностью). Уровень безработицы повысился с 3,5 до 4,4%. Исходя из соотношения 8:1, первичные обращения за три недели апреля – 16,4 млн –

отразятся в росте количества безработных на 2 млн, примерно до 9 миллионов. Это примерно 5,7% рабочей силы в США, но никак не 25%, подобно 1933 году.

Отметим, что показатель первичных обращений в течение апреля устойчиво снижался по сравнению с пиком на неделе 22-28 марта. Все это не означает, что ситуация не является очень напряженной. Рост количества безработных в 1,6 раза (в краткосрочной перспективе, возможно, двукратный и даже более) не только вызовет социальные проблемы в американском обществе – он формирует отрицательный разрыв выпуска неопределенной пока глубины, а от нее зависят глубина и длительность рецессии. В нем заключено серьезное предупреждение для других экономик мира, а все они сейчас столкнулись с одинаковыми проблемами. Вместе с тем, статистика первичных обращений за пособиями в США – яркий пример того, что всю нынешнюю ситуацию следует не драматизировать, а анализировать.

В России, по данным Росстата, численность безработных в марте нынешнего года увеличилось на 90 миллионов человек по сравнению с предыдущим месяцем, но было на 30 млн меньше по сравнению с мартом 2019 года. Цифры изменятся в апреле, когда потери из фонда рабочего времени вследствие мер эпидемиологической защиты составят больше чем в предыдущем месяце. Однако российский рынок труда существенно более структурно устойчив по сравнению с американским.

Обратимся к другим показателям.

Промышленное производство в США: за март сократилось на 5,4% по сравнению с предыдущим месяцем.

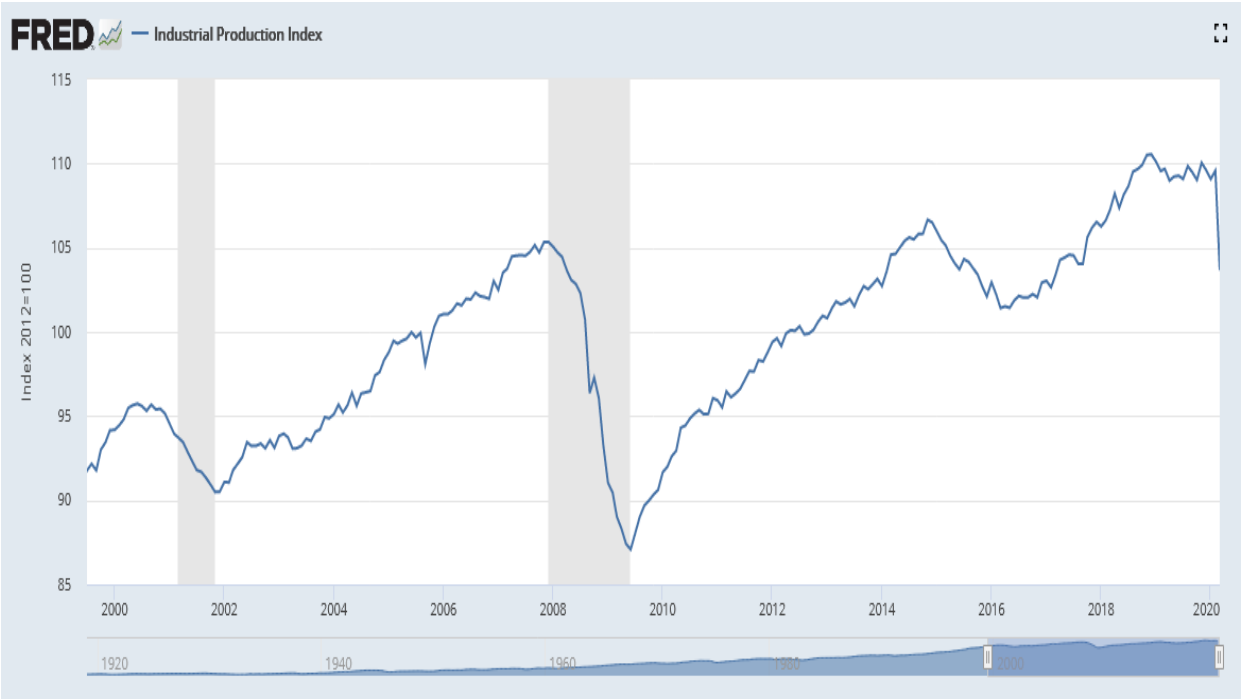


Рис. 1 – США: индекс промышленного производства (2012=100)

Источник: St. Louis FRD's FRED-II https://fred.stlouisfed.org/series/INDPRO#0.

Падение – более «отвесное» по сравнению с началом рецессии 2008-2009 годов, что объяснимо, принимая во внимание специфику причин. Нет оснований рассчитывать на стабилизацию в апреле. Отметим, что в составе промышленного выпуска объем добычи сырой нефти в США в марте снизился только на 1,3%.

Промышленность в Европе: из 31-й страны, по которым у Евростата есть данные на февраль, промышленный выпуск сократился за месяц в 14-ти. В 6-ти государствах (в том числе Испания, Чехия и Швеция) – меньше чем на 1%, в 4-х (включая Италию и Нидерланды) – на 1,2 - 1,6%. Среди «лидеров» промышленного спада: Португалия (-2,8%), Греция (-3,7%) и резко отклоняющаяся от трендовых значений Черногория (-11,6%).

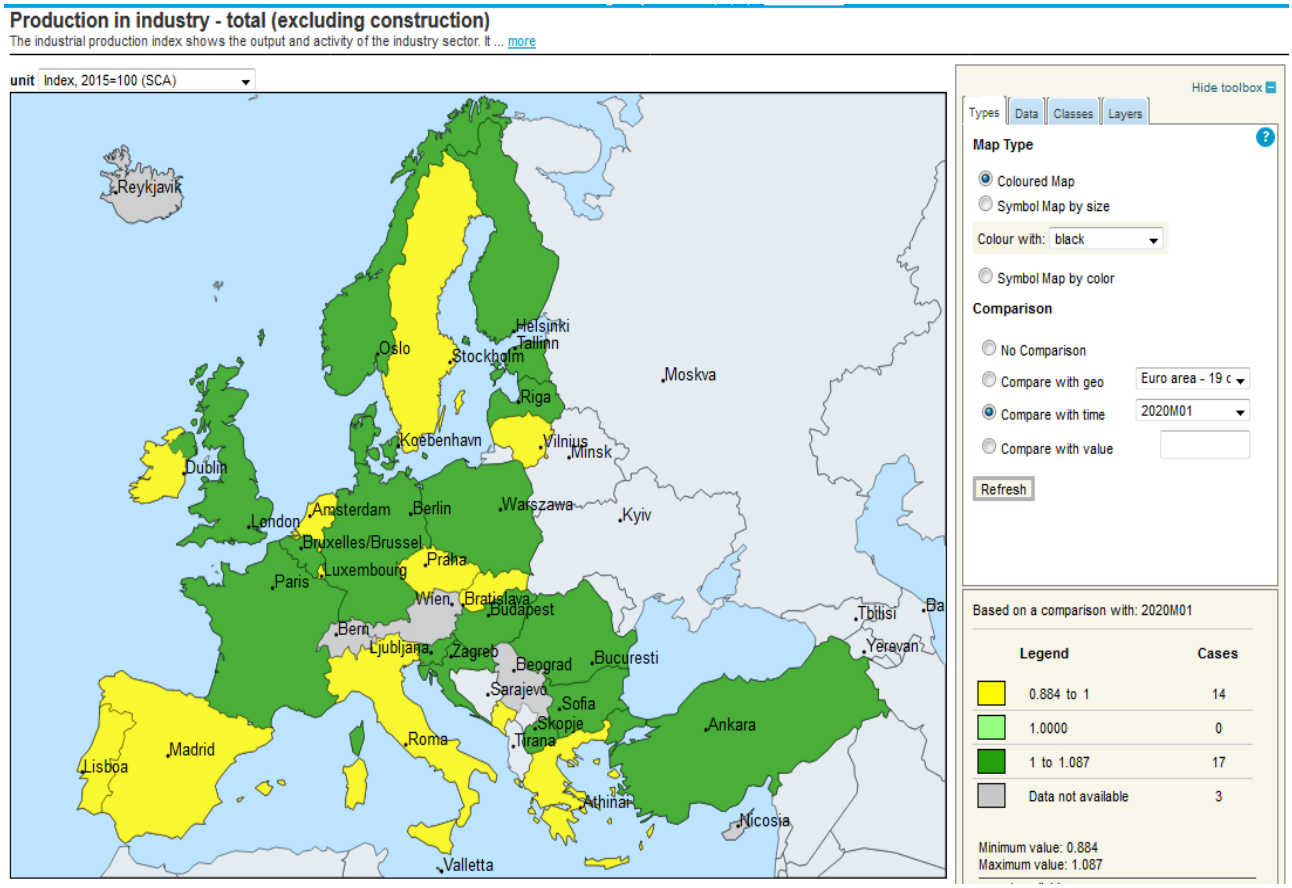


Рис. 2 – Еврозона: промышленный выпуск (март 2020 года в % к февралю)

Источник: Eurostat https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/mapToolClosed.do?tab=map&init=1&plugin=1&language=en&pcode=teiis080&toolbox=classes.

Достаточно много существует причин ожидать, что в апреле спадом в промышленности будет охвачено не меньшее, а, принимая во внимание интеграционные цепочки в регионе, возможно, еще большее число европейских стран.

Теперь об информации, которая обнадеживает.

Она, главным образом, приходят из Китая. И это несмотря на куда долее глубокое, чем кто-либо предполагал, сокращение ВВП, которое в первом квартале составило 6,8% к предыдущему году, и снижение загрузки промышленных мощностей относительно предыдущего квартала - на 10 п.п.

Тем не менее, уже в марте промышленный выпуск в этой стране заметно стабилизировался (за первые два месяца года он сократился на 13,5% по сравнению с предшествующим годом).

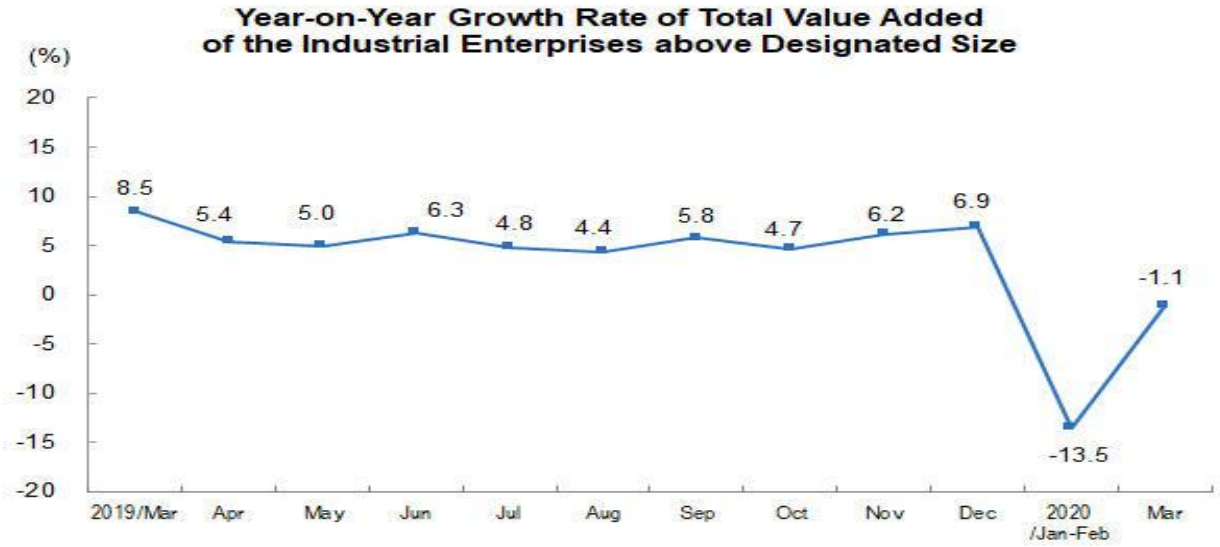


Рис. 3 – Китай: промышленный выпуск (темпы роста в % у-о-у)

Источник: PBC National Bureau of Statistics http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202004/t20200420_1739746.html.

Впрочем, спрос на потребительском рынке Китая пока остается в угнетенном состоянии.

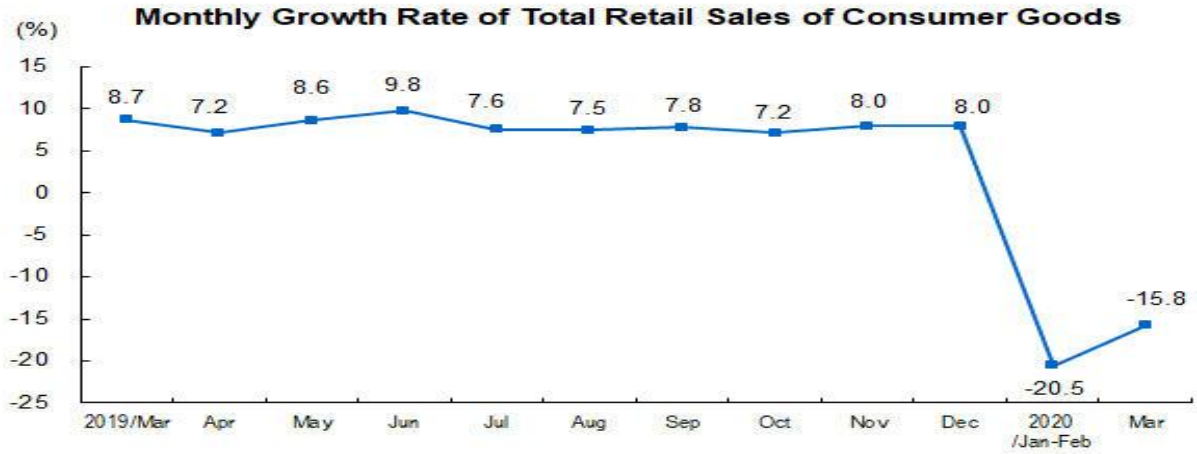


Рис. 4 – Китай: розничные продажи потребительских товаров (темпы роста в % у-о-у)

Источник: PBC National Bureau of Statistics http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202004/t20200420_1739765.html.

Мир переживает временную потерю ориентиров в экономике. Шок имеет неэкономическую и ранее не изученную природу, стандартные модели не работают. Это хорошо видно по разбросу как между прогнозами в признанных международных источниках, публиковавшихся до и после начала пандемии, так и между прогнозами в разных источниках. МВФ в апрельском выпуске World Economic Outlook дает прогноз сокращения мирового ВВП на 3%, тогда как в январском выпуске ожидал его увеличения на 3,3% (а ОЭСР еще в начале марта публиковала

прогноз роста на 2,4%). Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН в начале апреля ориентировал аудиторию на сокращение на 0,9%.

По мнению авторов «Трендов», прогнозы сейчас неубедительны как в силу отсутствия адекватного обстоятельствам математического аппарата, так и ввиду большой неопределенности и в ближайшей, и в более отдаленной перспективе. Например, прогноз МВФ исходит из потери в странах мира 5-8% годового фонда рабочего времени вследствие карантинных и подобных им мер. Однако часть изолированных работников продолжали трудиться удаленно (но, опять же, нельзя определить, насколько дистанционный режим повлиял на производительность). Кроме того, МВФ строит базовый прогноз на предположении о завершении карантинных мер во втором квартале нынешнего года (отмечая, что изменения поведенческой модели в сторону социального дистанцирования могут сохраняться дольше). При этом рассматриваются три альтернативных сценария – все неблагоприятные: продление карантинного режима на вторую половину года, повторная волна инфицирования к следующему году и совпадение обоих этих сценариев. Можно добавить, что вторичные эффекты последуют и с экономической стороны, например, в результате распада прежних контрактов, пересмотра планов на инвестиции, сокращения покупательной способности потребителей. Тем не менее, обстановка не исключает и более оптимистичных взглядов на будущее, связанного с более быстрым восстановлением.

Меры правительств и центральных банков: Россия и мир. Бесспорный вывод из доклада МВФ, который можно сделать: сейчас, как никогда, необходимо перераспределение ресурсов государства для помощи наиболее пострадавшим секторам бизнеса (туризм, перевозки, гостиницы, малое и среднее предпринимательство в целом) и временно потерявшим работу людям, открытый доступ банков к ликвидности, адекватные решения кредиторов в последней инстанции (центральных банков) и соответствующие обстоятельствам монетарные стимулы.[1]

В России объем двух уже принятых пакетов федеральной помощи экономике составляет порядка 2,1 трлн рублей:

- отсрочки по уплате налогов операторами авиационного транспорта и туризма, субъектами малого и среднего предпринимательства;
- отсрочки по уплате социальных взносов и арендных платежей субъектами МСП, реструктуризация отложенных налоговых платежей;

[1] В НИФИ с марта публикуются обзоры о применяемых зарубежными странами мерах для поддержки экономики в условиях пандемии: https://www.nifi.ru/ru/covid-19

- мораторий на взыскание долгов и банкротство по инициативе кредиторов;
- послабления в пруденциальных требованиях к банкам, участникам схем коллективных инвестиций и профессиональным участникам рынка ценных бумаг, для облегчения реструктуризации долгов и сохранения устойчивых объемов кредитов и инвестиций;
- беспроцентное кредитование субъектов МСП для стабилизации оборотных средств на выплату заработной платы;
- льготные кредиты и гарантии по новым долгам субъектов МСП;
- «кредитные каникулы» по ипотечным долгам, новая программа льготной ипотеки.

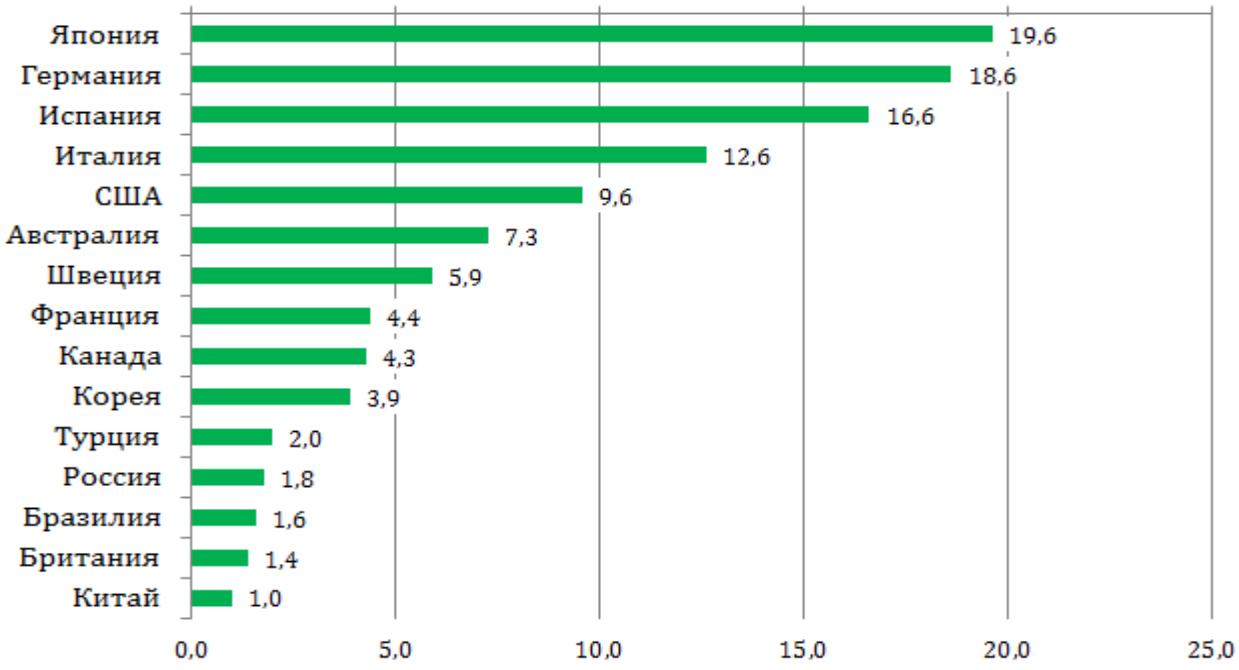


Рис. 5 – Антикризисные пакеты в отдельных странах мира (размеры в % ВВП)

Источник: НИФИ (https://www.nifi.ru/ru/covid-19), другие источники.

Правительством России ведется работа над подготовкой дополнительных пакетов федеральной помощи.

В некоторых странах, особенно пострадавших от пандемии, размеры антикризисных пакетов намного больше по сравнению с государствами БРИКС (Бразилия, Китай, Россия) и другими крупными экономиками с недавней историей рыночной экономической модели (Турция, Корея). Отметим, что источником финансирования крупных пакетов в зарубежных странах станет увеличение государственного долга. В определенном смысле этому косвенно благоприятствует проведение центральными банками в некоторых экономиках денежно-кредитной политики с использованием инструментов количественного смягчения.

Из-за экономических последствий пандемии ЕЦБ расширил свою программу QE; ФРС, Банк Англии и Банк Японии возобновили количественное смягчение; Канада и Австралия присоединились к числу стран, передающих сигналы денежно-кредитной политики посредством масштабной покупки ценных бумаг. Центральные банки ряда стран (Австралии, Индии) копируют практику ЕЦБ по предоставлению банкам долгосрочной ликвидности на льготных условиях в зависимости от поддержания банками стабильных объемов кредитования экономики или их увеличения. Снижаются нормативы обязательных резервов, центральные банки расширяют перечни залогов, которые принимаются ими при проведении операций рефинансирования.

Отметим, что Банк России еще в марте разрешил кредитным организациям зафиксировать на период до сентября валютные курсы, действовавшие по состоянию на 1 марта, для приведения к рублевому эквиваленту величины активов в основных иностранных валютах при расчете обязательных резервов. Это, по крайней мере, освобождает банки от избыточной нагрузки по выполнению резервных требований. Российский центральный банк в течение многих лет проводил последовательную работу по расширению и диверсификации Ломбардного списка и развитию системы рефинансирования под залог нерыночных активов, тогда как во многих зарубежных экономиках (и не только с формирующейся рыночной моделью) монетарные регуляторы придерживались консервативных принципов в отношении обеспечения своих требований к банкам.

В последнее время в СМИ встречались мнения, что Банку России следовало бы запустить свою программу QE. Авторам «Трендов» трудно прокомментировать такую точку зрения иначе как совершенно оторванную от реальности. Количественное смягчение – исключительно способ продолжения денежно-кредитной политики в условиях «ловушки ликвидности», когда центральный банк теряет пространство для передачи сигнала путем снижения процентной ставки – способ, к которому прибегают лишь в обстоятельствах неизбежности, сопряженный с весомой опасностью негативных побочных эффектов.

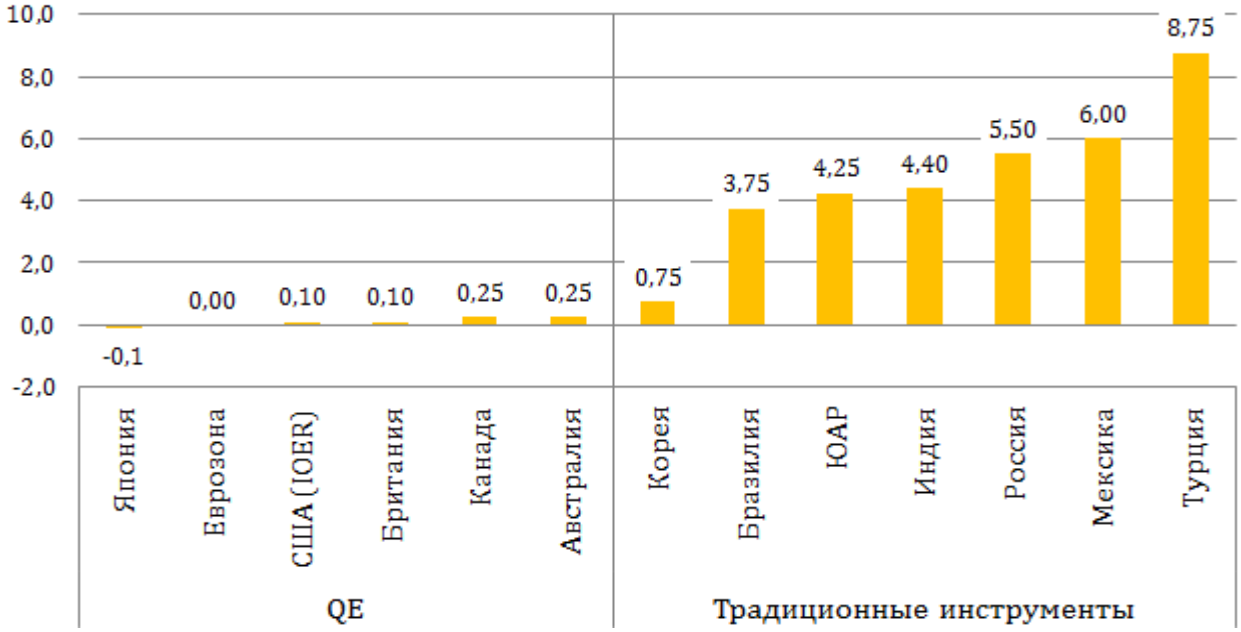


Рис. 6 – Ключевые ставки центральных банков, использующих и не использующих инструменты QE в системе операций на открытом рынке, предназначенных для передачи сигналов денежно-кредитной политики (проценты годовых).

Источники: информация на официальных вэб-сайтах центральных банков.

Утвердительно можно сказать, что Банк России сохраняет большое по сравнению с другими центральными банками пространство для снижения реальной процентной ставки.

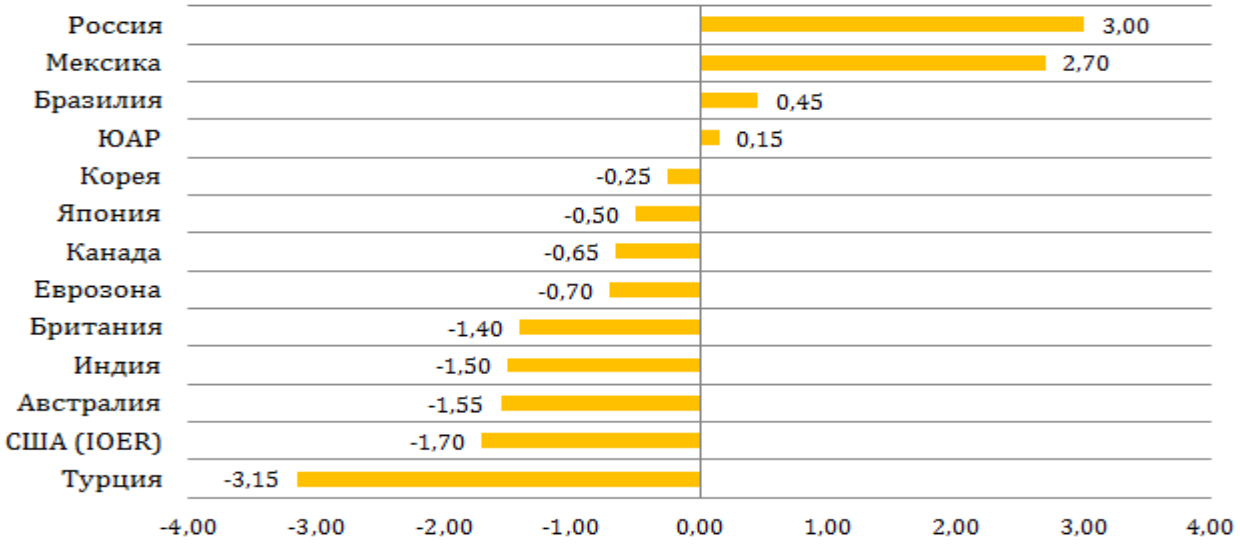


Рис. 7 – Реальные ключевые ставки центральных банков (проценты годовых, исходя из последних опубликованных данных о годовой инфляции)

Источник: расчеты НИФИ по данным на официальных вэб-сайтах центральных банков и статистических служб.

Проблемы рынка труда во время пандемии и после. Если в начале года вряд ли кто-либо предполагал, что эпидемическая вспышка в Китае обернется, по сути, «глобальным карантином», то к исходу весны колоссальные потери фонда рабочего времени, спад во внутренней и международной торговле, ущерб для многих видов бизнеса и безработица, угрожающая глубокими социальными последствиями – уже реальность.

Прямые последствия социального дистанцирования для рынка труда – краткосрочные, их продолжительность зависит от сроков спада инфицирования и отмены ограничительных мер. Однако, поскольку эпидемиологический кризис послужил «триггером» глобальной рецессии, сложная ситуация с занятостью и трудовыми доходами может сохраниться и в среднесрочной перспективе (здесь в отношении длительности возможны разные сценарии). Наиболее тревожными представляются долгосрочные последствия, которые могут возникнуть в случае роста структурной безработицы.

Характер краткосрочных последствий зависит от уровня законодательной защиты труда от страны к стране. При высоком уровне защиты он, скорее всего, примет форму временного увеличения скрытой безработицы. Так, в России работодатель в случае сокращения штатов или ликвидации предприятия обязан выплатить работнику заработную плату за фактически отработанное время, компенсацию за неиспользованный отпуск и пособие за следующие два месяца. Несмотря на принимаемые властями меры поддержки оборотных средств предприятий, на практике часть работодателей распускают работников в отпуска, оплачиваемые за собственный счет.

Сглаживание «острых углов» во время собственно «эпидемиологического» кризиса зависит не только от властей, но и от работодателей. С начала марта в 20-ти богатейших странах мира от кризиса пострадали почти 12% от общей численности работников (58 миллионов человек). Из них около 33 миллиона (57%) подали заявления на пособия по безработице, а 25 миллионов (43%) получили пособия по программам, поддерживаемым работодателями для сохранения связи с работниками на время дистанцирования[2].

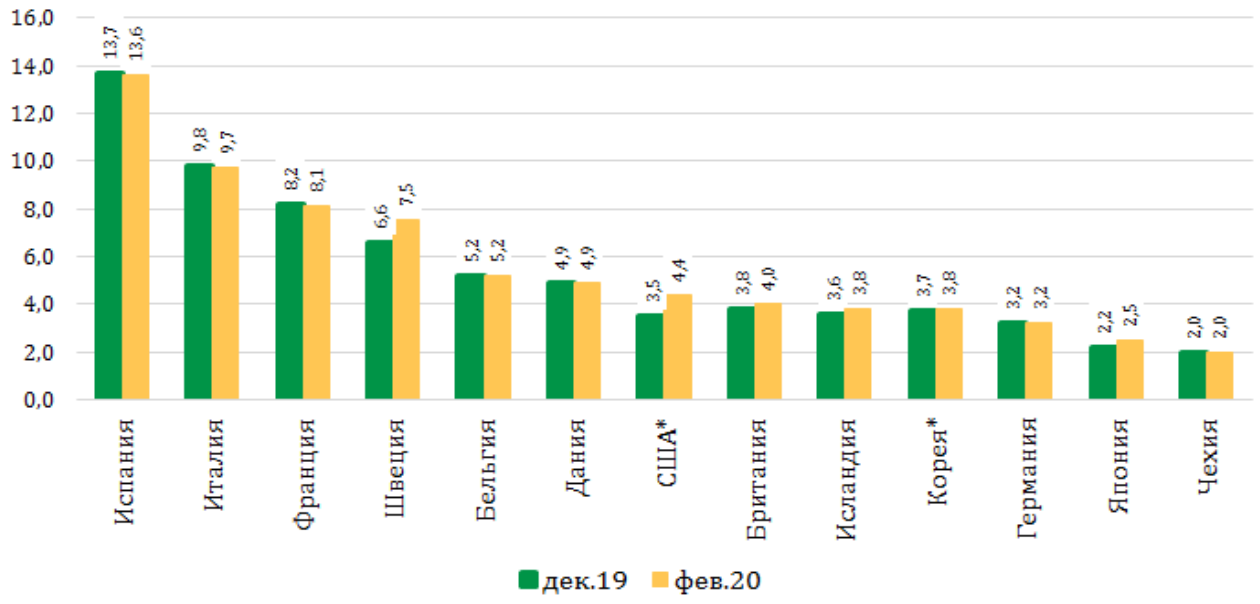
В Германии после того как власти страны в марте разрешили работодателям, столкнувшимся с потерей фонда рабочего времени более чем на 10%, обращаться за выплатой работникам федеральных пособий для компенсации неполной занятости (60% заработной платы), процент работников, подающих заявки на социальное страхование по безработице, снизился.

[2] https://www.brookings.edu/research/the-effect-of-covid-19-and-disease-suppression-policies-on-labor-markets-a-preliminary-analysis-of-the-data/

Подробнее с информацией об этом решении властей Германии можно ознакомиться в обзорах НИФИ.

В США в соответствии с принятым в марте законодательством (CARES Act[3]) лицам, не находящимся в активном поиске работы, нештатным и временным работникам, самозанятым предоставлено до конца 2020 года право на получение пособий в системе страхования безработицы (этим, в частности, можно объяснить рост первичных обращений в систему без последствии для учтенной численности безработных). Субъектам МСП в США предоставляются налоговые кредиты для выплат работникам, направляемым в вынужденный отпуск. В Великобритании сохранению компаниями персонала, находящегося в вынужденном простое, способствует компенсация государством 80% заработной платы таких работников в рамках временной схемы поддержки занятости (Coronavirus JobRetention Scheme). Подобные схемы действуют во Франции и Швейцарии.

Власти отдельных стран – Швеции, Исландии – избрали тактику сохранения обычного режима экономической деятельности, невзирая на риски. Несмотря на это в феврале уровень зарегистрированной безработицы в Швеции заметно возрос и в Исландии также увеличился, тогда как в странах, применявших меры принуждения к самоизоляции, наблюдалась достаточно стабильная ситуация. Очевидно, повлиял фактор добровольного дистанцирования из-за ощущения опасности жителями Швеции. Тем не менее, в марте безработица в Швеции вновь снизилась (до 6,7%).



[3] Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act.

Рис. 8 – Уровни безработицы в отдельных зарубежных странах (в % от численности экономически активного населения)

Источники: Eurostat (https://ec.europa.eu/eurostat); FRED II (https://fred.stlouisfed.org/).

Отметим, что власти Швеции полагались на приобретение населением «коллективного иммунитета», и показатели заболеваемости (0,2%) и смертности (0,02%) от COVID-19 в этой стране превышают средние значения в мире (0,08 и 0,005%, соответственно). Исландия, благодаря небольшой численности населения и особенностям проживания, смогла обеспечить всеобъемлющее тестирование и применять карантинные меры адресно с большой точностью. Показатели заболеваемости и смертности в Исландии (0,05 и 0,003%, соответственно) ниже среднемировых[4].

Среднесрочные последствия пандемии для рынка труда, повторим, зависят от глубины и длительности рецессии. Сейчас можно опираться только на самые первые прогнозы, нередко противоречивые и проецирующие общий пессимистичный настрой. По мнению ООН, больше всего от пандемии могут пострадать малые и средние предприятия, работники сельского хозяйства, самозанятые, трудовые мигранты и беженцы. Порядка 195 миллионов человек в мире могут потерять работу уже во втором квартале 2020 года.

Согласно базовому сценарию прогноза НИУ ВШЭ, озвученному в СМИ, наиболее пострадавшими станут предприятия некорпоративного сектора – около 1,5 млн человек останутся без постоянной занятости. В корпоративном секторе безработными станут 700 тысяч человек. В целом прогнозируемый уровень инфляции в 2020 году составит 8%. В пессимистичном сценарии корпоративный сектор может не досчитаться 1,2 млн работников, а некорпоративный – 2,2 миллиона. Соответственно и общий уровень безработицы составит 9,5% в 2020 году и вырастет до 9,8% в 2021 году.

[4] Источник информации о заболеваемости и смертности: https://www.worldometers.info/coronavirus/.

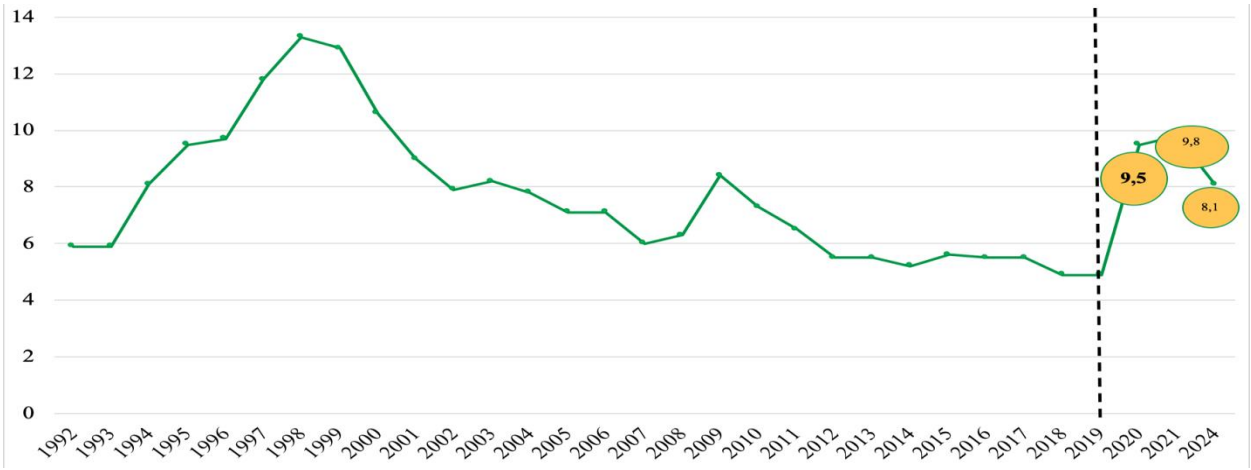


Рис.9 Уровень безработицы в России в пессимистичном варианте прогноза НИУ ВШЭ (%)

Источник: RBC (https://www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea736a29a7947c355361fcb).

По мнению генерального директора Агентства стратегических инициатив (АСИ) пик безработицы в России придется на первый квартал 2021 года, а число безработных в стране достигнет 8,5-10 млн человек. Согласно информации Росстата, количество безработных в России в марте 2020 года составляло о 3,49 миллиона человек – 4,7% от численности экономически активного населения. По данным Фонда «Общественное мнение», пострадавшими от экономических последствий пандемии считают себя 54% респондентов проведенного социологического исследования.

Когда страна сталкивается с новым кризисом, исследователи пытаются провести аналогии с прошлыми событиями. Так, в истории России отмечались два пика безработицы – в 1998 и 2009 годах. Основная причина безработицы в первом случае – дефолт по ГКО, девальвация рубля, реорганизация и закрытие предприятий. По данным социологических исследований, пострадавшими от кризиса 1998 года считали себя 90% россиян. Однако снижение занятости было не столь глубоким, как спад производства. Повлияли структурные особенности российской экономики того времени. Рост числа безработных был связан с тем, что действовавший в то время устаревший Кодекс законов о труде на практике не соблюдался в частном коммерческом секторе. Вместе с тем, работники были готовы соглашаться скорее на снижение реальной заработной платы, чем на потерю рабочих мест, что оказало стабилизирующий эффект на занятость.

Российский кризис 2009 года был частью глобального кризиса. Производство сократилось на 7,8% при снижении численности занятых на 2,2% (или 1,6 млн человек). Снижение реальной заработной платы в данном случае также сыграло стабилизирующую роль и позволило избежать большей потери рабочих мест. Региональные власти предлагали потерявшим

работу гражданам занятость на общественных работах (аналогичное решение среди прочих Минтруд рассматривает и в нынешних обстоятельствах[5]). Правительственной программой антикризисным мер были предусмотрены меры профессиональной переподготовки работников, материальная поддержка предпринимательской инициативы и оказание адресной помощи при смене места проживания с экономическими целями.

По мнению авторов «Трендов», неизбежное во время рецессии снижение реальной заработной платы послужит стабилизатором занятости и в нынешних обстоятельствах. Однако, ввиду угрозы закрытия или сокращения оборота видов бизнеса, наиболее уязвимых к последствиям социального дистанцирования (поведенческая модель может инерционно сохраняться и после отмены мер принуждения), необходимы практические шаги по минимизации барьеров для новой предпринимательской деятельности на всех уровнях, от муниципального до федерального, и адекватное перераспределение ресурсов в систему социального страхования.

Наиболее неблагоприятный сценарий – существенное снижение реальных доходов в экспортном секторе (в первую очередь в нефтегазовом), которое будет оказывать гнетущее воздействие, в первую очередь, на сферу услуг. По мнению многих экспертов, такого сценария удастся избежать благодаря стабилизации потребления нефти в мире и координации политики предложения нефтедобывающими странами. Тем не менее, нельзя игнорировать риск увеличения долгосрочной структурной безработицы. В связи с этим принимает новое звучание вопрос о балансе интересов трудящихся и выгодах от практической реализации современных технологий.

В наше время ручной труд заменяется роботизированным, усиливаются страхи работников перед искусственным интеллектом и отмиранием рутинных профессий. Вместе с тем, когда мир столкнулся с ситуацией, в которой все цифровые технологии должны были заработать в полную силу, выяснилась не большая действительная степень их готовности. Представляется, что пришло время для разработки рассчитанной на будущее, выходящей за горизонт делового цикла концепции технологического развития. Причем, исходящей не только из сиюминутного оптимизма разработчиков и заинтересованности крупного бизнеса в еще большем укрупнении с минимизацией издержек, но и из реалистичных возможностей обеспечения рабочими местами и источниками дохода экономически активной части населения, а также интересов всего общества.

[5] https://www.kommersant.ru/doc/4300730.

РОСТ ВВП

(отчетный квартал относительно соответствующего квартала предыдущего года, %)

	2018				2019				2020				*	
													2019	2020
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	IV	I
Россия	2,2	2,6	2,5	2,8	0,4	1,1	1,5	2,1					↑	
США	2,9	3,2	3,1	2,5	2,7	2,3	2,1	2,3					↑	
Канада	2,5	1,7	2,0	1,8	1,5	2,0	1,6	1,5					↓	
Япония	0,9	1,0	-0,3	-0,3	0,8	0,9	1,7	-0,4					↓	
Соед. Королевство**	1,1	1,3	1,6	1,4	2,0	1,3	1,2	1,1					↓	
Евросоюз**	2,5	2,2	1,8	1,5	1,7	1,4	1,5	1,2					↓	
Еврозона**	2,6	2,2	1,6	1,2	1,4	1,2	1,3	1,0					↓	
Германия**	2,3	2,1	1,1	0,6	1,0	0,3	0,6	0,5					↓	
Франция**	2,4	1,9	1,5	1,2	1,3	1,5	1,5	0,9					↓	
Италия**	1,3	0,9	0,4	0,0	0,2	0,4	0,5	0,1					↓	
Испания**	2,8	2,3	2,2	2,1	2,2	2,0	1,9	1,8					↓	
Португалия**	2,6	2,9	2,7	2,3	2,4	2,1	1,9	2,2					↑	
Греция**	2,7	1,4	1,9	1,8	1,6	2,8	2,3	1,0					↓	
Бельгия**	1,5	1,4	1,5	1,5	1,3	1,3	1,6	1,2					↓	
Нидерланды**	3,0	2,8	2,3	2,1	2,0	1,6	1,8	1,6					↓	
Финляндия**	2,2	2,0	1,4	0,9	0,5	1,1	1,6	0,6					↓	
Швеция**	3,4	2,8	1,0	2,1	1,4	1,0	1,9	0,8					↓	
Дания**	1,7	1,7	3,1	3,1	2,0	2,6	2,6	1,8					↓	
Норвегия	-0,5	3,2	1,0	1,6	2,3	-0,7	1,2	1,8					↑	
Швейцария	3,4	3,8	2,5	1,3	0,9	0,2	1,1	1,5					↑	
Китай	6,9	6,9	6,7	6,5	6,4	6,2	6,0	6,0	-6,8				→	↓
Индия	7,7	7,1	6,2	5,6	5,8	5,6	5,1	4,7					↓	
Бразилия	1,5	1,1	1,5	1,2	0,6	1,1	1,2	1,7					↑	
ЮАР	0,7	0,1	1,3	1,1	0,0	0,9	0,1	-0,5					↓	
Турция	7,4	5,9	2,6	-3,0	-2,0	-1,6	0,7	6,0					↑	
Польша**	5,1	5,4	5,6	4,6	4,7	4,1	4,0	3,7					↓	
Мексика	1,6	3,0	2,5	1,4	1,2	-0,9	-0,3	-0,3					→	
Корея (Респ.)	2,8	2,9	2,1	2,9	1,7	2,0	2,0	2,2					↑	
Тайвань	3,2	3,4	2,5	2,0	1,8	2,6	3,0	3,3					↑	
Индонезия	5,1	5,3	5,2	5,2	5,1	5,1	5,0	4,8					↓	
Малайзия	5,3	4,5	4,4	4,7	4,5	4,9	4,4	3,6					↓	
Австралия	3,1	3,2	2,5	2,2	1,7	1,6	1,8	2,2					↑	
Аргентина	4,1	-3,8	-3,7	-6,1	-5,8	0,0	-1,8	-1,1					↑	
Чили	4,5	5,3	2,8	3,3	1,4	1,8	3,4	-2,1					↓	
Венгрия**	5,0	4,9	5,5	5,1	5,3	5,1	4,8	4,6					↓	
Чешская Респ.**	4,1	2,2	2,4	2,6	2,7	2,6	2,4	1,8					↓	
Словакия**	3,6	4,5	4,6	3,5	3,8	2,2	1,3	2,0					↑	
Беларусь	5,3	3,9	2,2	1,3	1,3	0,5	1,4	1,6	-0,3				↑	↓
Украина	3,5	3,9	2,7	3,7	2,9	4,7	3,9	1,5					↓	
Казахстан	4,4	4,1	3,8	4,1	3,8	4,4	5,0	4,8					↓	

* Сравнение с динамикой в предыдущем квартале.

** Источник: Евростат; на базе сезонно сглаженных динамических рядов ВВП (Словакия - на базе сезонно не сглаженного динамического ряда).

ИНФЛЯЦИЯ

(отчетный месяц относительно соответствующего месяца предыдущего года, %)

		Год	Месяцы											
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Россия		2019	5,0	5,2	5,3	5,2	5,1	4,7	4,6	4,3	4,0	3,8	3,5	3,0
		2020	2,4	2,3	2,5									
ОСНОВНЫЕ ТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ РОССИИ (доля в торговом обороте не менее 1%)	Беларусь	2019	5,8	6,2	5,8	5,5	6,2	5,7	6,0	5,7	5,3	5,3	5,0	4,7
		2020	4,7	4,4	4,9									
	Казахстан	2019	5,2	4,8	4,8	4,9	5,3	5,4	5,4	5,5	5,3	5,5	5,4	5,4
		2020	5,6	6,0	6,4									
	Еврозона*	2019	1,4	1,5	1,4	1,7	1,2	1,3	1,0	1,0	0,8	0,7	1,0	1,3
		2020	1,4	1,2	0,7									
	Отдельные страны, входящие в еврозону	*Германия**	2019	1,7	1,7	1,4	2,1	1,3	1,5	1,1	1,0	0,9	0,9	1,2	1,5
			2020	1,6	1,7	1,3								
		*Франция**	2019	1,4	1,6	1,3	1,5	1,1	1,4	1,3	1,3	1,1	0,9	1,2	1,6
			2020	1,7	1,6	0,8								
		*Италия**	2019	0,9	1,1	1,1	1,1	0,9	0,8	0,3	0,5	0,2	0,2	0,2	0,5
			2020	0,4	0,2	0,1								
		*Нидерланды**	2019	2,0	2,6	2,9	3,0	2,3	2,7	2,6	3,1	2,7	2,8	2,6	2,8
			2020	1,7	1,3	1,1								
		*Бельгия**	2019	1,8	2,0	2,2	2,0	1,7	1,3	1,2	0,9	0,6	0,2	0,4	0,9
			2020	1,4	1,0	0,4								
		*Финляндия**	2019	1,2	1,3	1,1	1,5	1,3	1,1	1,0	1,2	1,0	0,9	0,8	1,1
			2020	1,2	1,1	0,9								
	США (PCEPI**)	2019	1,4	1,3	1,4	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,6
		2020	1,8	1,8										
	Китай	2019	1,7	1,5	2,3	2,5	2,7	2,7	2,8	2,8	3,0	3,8	4,5	4,5
		2020	5,4	5,2	4,3									
	Индия	2019	2,0	2,6	2,9	3,0	3,0	3,2	3,1	3,3	4,0	4,6	5,5	7,4
		2020	7,6	6,6	5,9									
	Япония	2019	0,2	0,2	0,5	0,9	0,7	0,7	0,5	0,3	0,2	0,2	0,5	0,8
		2020	0,7	0,4	0,4									
	Корея (Респ.)	2019	0,8	0,5	0,4	0,6	0,7	0,7	0,6	0,0	-0,4	0,0	0,2	0,7
		2020	1,5	1,1	1,0									
	Турция	2019	20,4	19,7	19,7	19,5	18,7	15,7	16,7	15,0	9,3	8,6	10,6	11,8
		2020	12,2	12,4	11,9									
	Украина	2019	9,2	8,8	8,6	8,8	9,6	9,0	9,1	8,8	7,5	6,5	5,1	4,1
		2020	3,2	2,4	2,3									
	Британия	2019	1,8	1,9	1,9	2,1	2,0	2,0	2,1	1,7	1,7	1,5	1,5	1,3
		2020	1,8	1,7	1,5									
	Польша	2019	0,7	1,2	1,7	2,2	2,4	2,6	2,9	2,9	2,6	2,5	2,6	3,4
		2020	4,3	4,7	4,6									
	Венгрия	2019	2,7	3,1	3,7	3,9	3,9	3,4	3,3	3,1	2,8	2,9	3,4	4,0
		2020	4,7	4,4	3,9									
	Чехия	2019	2,5	2,7	3,0	2,8	2,9	2,7	2,9	2,9	2,7	2,7	3,1	3,2
		2020	3,6	3,7	3,4									
	Швейцария	2019	0,6	0,6	0,7	0,7	0,6	0,6	0,3	0,3	0,1	-0,3	-0,1	0,2
		2020	0,2	-0,1	-0,5									
	Бразилия	2019	3,8	3,9	4,6	4,9	4,7	3,4	3,2	3,4	2,9	2,5	3,3	4,3
		2020	4,2	4,0	3,3									
	ЮАР	2019	4,0	4,1	4,5	4,4	4,5	4,5	4,0	4,3	4,1	3,7	3,6	4,0
		2020	4,5	4,6	4,1									
	Мексика	2019	4,4	3,9	4,0	4,4	4,3	4,0	3,8	3,2	3,0	3,0	3,0	2,8
		2020	3,2	3,7	3,3									
	Индонезия	2019	2,8	2,6	2,5	2,8	3,3	3,3	3,3	3,5	3,4	3,1	3,0	2,7
		2020	2,5	3,0	3,0									

** Harmonized Index of Consumer Price (Eurostat).

* Personal Consumption Expenditure Price Index.

НИФИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ ИНСТИТУТ МИНФИНА РОССИИ

Коллектив авторов

Швандар Кристина Владимировна, руководитель Центра Перспективного финансового планирования, макроэкономического анализа и статистики финансов НИФИ

Черкасов Всеволод Юрьевич, сотрудник Центра Перспективного финансового планирования, макроэкономического анализа и статистики финансов НИФИ

Маклакова Юлия Александровна, сотрудник Центра Перспективного финансового планирования, макроэкономического анализа и статистики финансов НИФИ

Данный информационно-аналитический обзор представляет собой результат работы сотрудников Научно-исследовательского финансового института. Содержание доклада отражает мнения коллектива авторов, которые могут не совпадать с официальной позицией Научно-исследовательского финансового института и Министерства финансов Российской Федерации.